

Ольга Валентеева

МОЙ ПЛЕННИК, МОЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВА ХОДИТ ПОСЛЕДНЕЙ
ПРОКЛЯТИЕ ЛИЛИЙ

ПРОЛОГ

— Ваше величество, королева ждет дочь.

Король Осмонд с силой швырнул бокал в стену. Алые пятна вина разлетелись по светлой обивке, словно капли крови, а Осмонд обхватил голову руками. Он был уже немолод и в свои пятьдесят пять почти потерял надежду на наследника. Пять лет назад его супруга умерла в очередных родах, но и вторая жена, юная Беатрис, никак не могла забеременеть, а теперь вот... Дочь. Пятая дочь! Почему? Почему у него нет ни одного сына? И даже любовница родила девочку. Выгнал взашей любовницу вместе с ребенком, выдал замуж за первого встречного, пусть благодарит.

— Передайте королеве, пусть собирает вещи, — угрюмо ответил Осмонд. — Завтра она отбывает на озеро Шуи, чтобы никто не тревожил ее в дни беременности.

Лекарь и слуги поклонились и вышли. Завести новую любовницу, что ли? Ведь должен у него родиться сын! Сын!

Осмонд тяжело поднялся с кресла и направился в свой кабинет. Дела королевства не ждут. Веранцы скалят зубы. От Литонии во власти Изельгарда остался только лоскут. Все проиграл! Все, что плыло в руки, теперь уплывает из рук. Король опустил в другое кресло, близнец первого, и уже собирался кликнуть секретаря, как тот сам появился в дверях.

— Ваше величество. — Секретарь поклонился низко и подобострастно. — У вас просит срочной аудиенции юноша.

— Гастон, ты в своем уме? — Осмонд уставился на секретаря. — Какой юноша?

— Вот. — Гастон опустил голову и протянул Осмонду записку.

Король развернул письмо, взглянул на ряды аккуратных букв и швырнул записку в огонь.

— Проси, — махнул он рукой. Это становится забавным...

Вслед за секретарем вошел молодой мужчина очень примечательной наружности. Высокий, широкоплечий, с огромными темными глазами, чуть заостренным носом и тонкими губами. Кто хоть раз видел безвременно почившего от руки сестрицы Бранды короля Илверта Первого Литонского, тот бы сразу заметил фамильное сходство. Юношу нельзя было назвать писаным красавцем, но лицо его было довольно выразительным, и двигался он легко, хищно.

— Оставьте нас, — приказал Осмонд секретарю, а сам устался на гостя. Тот был весь в черном, как ворон. Волосы длинные по традициям Изельгарда, черные, как вороново крыло.

— Ваше величество. — Молодой человек слегка наклонил голову, приветствуя Осмонда как равного.

Наглец!

— Ну, здравствуй, Илверт, — угрюмо сказал король, сразу давая понять, что уж титул племянничку точно не светит. — Не ждал, что свидимся. Ты же, кажется, умер?

Тонкие брови парня удивленно взметнулись вверх.

— Но вы ведь знали, что это не так, ваше величество.

— Подозревал, — кивнул Осмонд. На самом деле оставалось только подозревать, потому что Ник Вейс, бывший глава разведки Изельгарда, умел прятаться... и прятать. Осмонд до сих пор не верил, что Белый Лис мог увезти из Литонии королеву Бранду с малолетним сыном. А вот смог ведь. И сын вырос, стоит, зыркает невозможными глазищами.

— Как матушка? Благополучна? — без особого интереса спросил король.

— Вполне, — миролюбиво ответил Илверт.

Король без короны. Король без страны. Глупая Бранда выбрала дела любовные и, распушив хвост, помчалась за красавчиком Лисом. А Осмонд потерял часть Литонии, вздернул весь литонский совет и...

— Что привело тебя ко мне, племянничек?

— Ваше величество, я хочу вернуть свою страну, — спокойно ответил Илверт.

— Что? — Осмонд громко, раскатисто рассмеялся. — Страну захотел? А больше тебе ничего не надо? Где ж ты был пятнадцать лет?

— Учился, — так же холодно ответил юноша.

— Учился... И чего ты хочешь от меня, ученый ты наш?

— Мне нужна армия, ваше величество. Армия, чтобы отвоевать Литонию у Верании.

Осмонд смеялся, пока на глазах не выступили слезы. Вот глупый мальчишка! Это же надо быть таким глупым!

— Армия? Ну-ну, — вытер глаза. — А что я получу взамен?

— Как правители мы можем договориться. Я знаю, у Изельгарда не лучшие отношения с Веранией, которая сейчас владеет моей землей, и мы могли бы...

— Не могли, — перебил его Осмонд. — У тебя нет ничего, что бы ты мог мне предложить, мальчишка. Люди? Деньги? Хоть что-то из этого у тебя есть? А я и так скажу: нет и не будет. Кто пойдет за тобой, Илверт? Зачем? Да и потом, как ты собираешься доказывать свое право? А вдруг ты самозванец? Кто знает, сколько бастардов могло быть у Илверта Первого?

Лицо юноши пошло красными пятнами.

Что, съел? Конечно, Осмонд спросил только мысленно. А вслух сказал:

— Поди прочь. Кланяйся матушке.

— Ваше величество...

— Ты плохо слышишь? Насколько могу судить, обитаешь ты в Изельгарде. Так вот, в Изельгарде один король, и это я. А война с Веранией не входит в мои планы. И в Литонии у тебя поддержки нет. Поэтому ступай, мальчик. Ступай, и я забуду, что тебя видел.

— До встречи, ваше величество.

Юноша развернулся и пошел прочь.

Даже голос не дрогнул. Порода, что уж там. Бранда и Илверт не могли наградить сына легким нравом.

В кабинет заглянул Гастон.

— Передай Фелису, пусть за мальчишкой проследят, — приказал король. — Хочу знать, где он живет, чем дышит. Из-за него могут быть проблемы.

Секретарь поклонился и поспешил выполнять приказ. Вот только короля Осмонда ждали дурные новости: вышедший из дворца племянник будто провалился. Никто не сумел его выследить. Что ж, сам объявится, решил король, но на всякий случай приказал поискать.

Как и рассчитывал Осмонд, Илверт объявился сам — во главе армии у границ Изельгарда. Армии мертвецов.

ГЛАВА 1

Тиана

— Ах ты!

Я увернулась от удара меча, поднырнула под руку брата, но он, уже давно привыкший к моей манере боя, ловко ушел назад, и атака пропала впустую. Я только рассмеялась и кинулась за ним, делая выпад за выпадом, пока Эдгар не запросил пощады. И то больше потому, что настало время обеда, а не потому, что наш бой его сколько-нибудь утомил. Кто сказал: меч не для женской руки, тот не видел, как я управляюсь с ним. Зачем меч той, у кого есть боевая магия? Отец говорит, что надо уметь защитить себя, не полагаясь на посторонние силы. Мой отец, Эрвинг Аттеус, воин и герой Изельгарда — мудрейший человек, которого я знаю. Поэтому мы с братом-двойняшкой Эдгаром с детства учились держать оружие в руках. Мама, конечно, за голову хваталась. Но мама ведь целительница, ее сила — тихая и спокойная, а моей нужен выход. Так почему бы не потренироваться с братом в саду? Особенно пока папа не видит, а то начнутся замечания: «Тиа, ты не так держишь меч. Тиа, тебе не хватает скорости». Всего мне хватает! Но ведь это папа. Разве ему угодишь? Мой папочка — сам превосходный мечник и хочет, чтобы я превзошла его. Ладно, не я, а Эд, но мы ведь двойняшки — а значит, единое целое.

— Тиа, давай до дома наперегонки!

Эду уже двадцать два, а он понесся к дому, как мальчишка.

— Так нечестно! — крикнула в спину брату и побежала за ним. Я легче и быстрее, но сейчас в руках меч, а с ним не побегаешь. Оставить меч? Отец голову открутит, не постесняется, что девушка. Но у двери я все-таки догнала брата, схватила этого лося за шею, пригнула к себе и рассмеялась.

— Тианка, пусти! — Он с легкостью вырвался. — Обед скоро. Придешь вся в мыле, мама и на порог столовой не пустит.

Да, мама у нас строгая, хоть и целительница. Но справедливая, этого не отнять, поэтому я помчалась наверх, чтобы сменить штаны и рубашку на приличествующее дейрине платье. Позвала служанку, чтобы уложила растрепавшиеся волосы — длинные, светлые. Как же с ними неудобно сражаться! Но в Изельгарде длинные волосы были символом статуса, а короткие — бесчестия, поэтому своей шевелюрой гордились и женщины, и мужчины. Даже братец Эд щеголял смоляными кудрями чуть ниже плеча. Плечо — плечом, а вот ниже попы... Уф. Служанка быстро заплела волосы в косу, подколола вокруг головы, и я поспешила в столовую.

Появилась на пороге как раз вовремя, чтобы подать руку брату, и в столовую мы вошли вместе. Родители уже сидели за столом, как и младший брат Ники. Если с Эдом мы были неразлейвода, то Ники — это такая заноза в... том, о чем приличные девушки не говорят. Но кто бы назвал меня приличной девушкой? То-то же. Ники недавно исполнилось девятнадцать, а я готова поспорить, он еще даже ни с кем не целовался. Вот мы с Эдом на спор вскружили голову соседям. Я обогнала брата на два дня, хоть целоваться с рыжим Робинотом мне не понравилось. Эд же долго строил глазки его сестре Тильде. Уж не знаю, как далеко у них дело зашло. Эд говорил, что далеко, но Эд вообще много болтает, а с Тильдой я их быстренько развела. Не потерплю, чтобы эта овца бродила рядом с моим братишкой. Мы с Эдом вообще решили, что он никогда не женится, а я не выйду замуж. Вместо этого сбежим в полк и будем воевать.

— Как вы, дорогие? — С мягкой улыбкой спросила мама. Я не знала женщин красивее и добрее ее. Рядом с ней всегда хотелось улыбаться.

— Немного прогулялись в саду, мамочка, — ответила я.

— И кто кого? — хитро поинтересовался папа.

— Я его. — Подмигнула отцу и села к столу. Ники поморщился и, пока родители не видели, показал мне язык. Я с милой улыбкой изо всех сил встала брату на ногу. Но, судя по тому, что поморщился Эд, нога была не его...

— Вы хотя бы завтра не деритесь, — вздохнула мама. — Не хватало еще, чтобы на балу щеголяли разбитыми носами.

Да, на следующий день в нашем замке намечался самый настоящий бал. А я их терпеть не могла. Но, увы, придется выглядеть мило, невинно улыбаться и делать вид, что мне все это интересно.

— Завтра не будем, — пообещала я. Но ведь сегодняшний день тоже еще не закончился.

— Милая, твое бальное платье великолепно, — говорила мама. — Голубой — исключительно твой цвет.

Я покивала для вида и набила полный рот, чтобы не отвечать на вопросы о бале. Папа глянул на меня и покачал головой. Я проглотила все сразу и ему улыбнулась. С отцом мы понимали друг друга с полуслова. Он всегда поддерживал меня, если что-то не получалось, в детстве выслушивал мои глупые проблемы, вразумлял Эда и Ника, если братья меня обижали, и я была уверена, что мой будущий муж будет похожим на папу. Если, конечно, кто-нибудь на мне женится.

Да я с мамой секретничала меньше, чем с отцом! С мамой ведь не обсудишь дальность стрельбы арбалета или тяжесть меча. Или приемы ближнего боя. С мамой можно сидеть рядом и быть милой девочкой. Конечно, я любила маму, просто обожала и считала образцом, но доверяла больше отцу. С мамой всегда крутился Ники. Он не любил оружие, терпеть не мог вида крови и вообще как будто был из другого гнезда.

— Тебе стоит присмотреться к нашим гостям, — как раз говорила мама. Это кому? Мне? — Тебе уже двадцать два, дочка. Другие девушки в твоём возрасте уже замужем.

— Mam, ну вот ты во сколько лет вышла замуж за папу? — спросила я, оставив в покое прозрачный суп с гренками.

— В двадцать шесть, — ответила мама.

— Вот видишь! А мне только двадцать два. Успею.

Мама покачала головой, но ничего не сказала. Она была слишком доброй, моя мамочка. И не понимала, как девушка может не желать семью или детей. А я хотела... другого. Совсем другого.

После обеда мы с Эдом унеслись на озеро. Стоял самый разгар лета, и вода в нем была как парное молоко. Ники с нами не пошел. Точнее, мы его не звали. Да и что звать-то, если все равно откажется? Платье снова сменилось на штаны и рубашку, поэтому я заставила брата отвернуться, осталась только в нижней сорочке и нырнула в воду. Ах, хорошо!

— Ты плаваешь, как рыба! — Эд догнал меня в пару взмахов.

— Кто бы говорил.

Я нырнула, проплыла почти у самого дна и вынырнула с другой стороны. Только Эд уже стерег и, стоило показаться над водой, перехватил и пару раз ощутимо макнул в воду.

— Пусти! — вырвалась я. — Давай до того берега?

Озеро было небольшим и неглубоким, поэтому мы часто плавали наперегонки. Вот и сейчас за три минуты добрались до другого берега. На этот раз победил Эд, а вот обратно — уже я. Потом мы долго валялись на песке, глядя в высокое синее небо.

— Ну что, кому завтра подаришь танец? — дразнил меня брат. — А может, не только танец?

— Иди ты! — беззлобно отвечала я. — А то скажу маме, что ты мечтаешь жениться на Иветте Круас, и она тебе всю плешь проест.

— А я скажу маме, что ты мечтаешь выйти замуж за Фридрика Тейденса.

— Фу! Ты же знаешь, я его ненавижу.

— Конечно, знаю, сестрица, как и я Иветту. Поэтому придержи язык за зубами.

— Идет.

Позднее я долго вспоминала этот день — такой простой и беззаботный, когда хотелось обнять весь мир. Увы, следующий такой же случился очень не скоро. Но тогда я даже не подозревала об этом. Мы с Эдом добрались до дома, поужинали с родителями и разбрелись по своим комнатам. Бал! У нас не так часто бывали балы. Отец не любил шумные сборища гостей. Еще больше не любил, когда гости заводили беседы о его военном прошлом, будто стыдился. А я не понимала почему. Как-то раз попыталась спросить, но папа отшутился и ушел от ответа. В этом он весь. Если мой папа не желал о чем-то говорить — не говорил. И война была одной из запретных тем.

А утром дом наводнили гости. Казалось, что они тянулись весь день, и я чувствовала себя пустоголовой куколкой в дневном светлом платье и с аккуратно заплетенными волосами. «Здравствуйте, очень приятно, очень скучала, как мило». Тьфу! К вечеру я готова была съесть свою туфлю от скуки, но не пришлось.

В нашем замке имелся огромный бальный зал. Когда я была маленькая, всегда приходила сюда, кружилась, раскинув руки, и представляла себя принцессой. Хотя зачем принцессой? Лучше сразу королевой. Иногда заставляла Эда становиться моим королем, но он не хотел танцевать со мной, а хотел сражаться. И я убегала сражаться с ним. Мы ведь единое целое.

А сейчас идти в бальный зал не хотелось. Я чувствовала себя глупой в пышном голубом платье с серебристым кружевом, укра-

шавшим подол, в длинных бледно-голубых перчатках, с белыми цветами, вплетенными в волосы. Этот внешний лоск был так чужд моей натуре, как солнечной погоде чужд снежный буран. Но я — Тиана Аттеус. Это ко многому обязывало. И если в обычный день мне многое сходило с рук, то сегодня я должна быть идеальной дейриной. Эдакой статуэткой на полочке.

— Ты прелестна, сестрица, — перехватил меня Эдгар.

Я изучала его темно-синий сюртук с золотыми пуговицами, очень напоминавший военный мундир, жилет бледнее тоном, черные штаны.

— Выглядишь как профессор. — Я оглянулась по сторонам и щелкнула брата по носу.

— Да ну тебя! — возмутился Эд. — Ника не видела?

— Может, он где-то прячется с книжкой?

Мы тихонько рассмеялись, Эд подал мне руку и повел в балльный зал. Вопреки прогнозам, младший брат нашелся. Он выбрал для костюма более светлые тона, приближенные к его любимому серому. Ники у нас вообще был в доме островком спокойствия. Если и оставалось в замке Аттеус что-то стабильным и неизменным, так это мой младший брат.

— Попался! — подкралась я к нему.

— Тиана, — поморщился Ник. — Красивое платье.

— Платье? А я разве нет?

И покружилась перед ним.

— А ты вредная.

Младший братишка улыбнулся и едва увернулся, чтобы не получить такой же обидный щелчок по носу, как и старший. Но мы тут же притихли, потому что появились папа с мамой. Когда я видела, как они танцуют вдвоем, в груди разрасталось что-то большое и нежное, как сахарная вата. Они будто не видели никого в этом зале: ни нас, ни гостей. Только друг друга. Я не понимала, как можно настолько любить кого-то. Как можно растворяться в своих чувствах. Наверное, поэтому и не топила замуж. Зачем? Если нет никого, на кого бы хотелось смотреть так, как мама смотрит на папу: в черном военном мундире, с первой сединой в темных волосах, но такого красивого.

— Выглядишь мечтательной, — заметил Эд. — Теряешь хватку.

— Ну тебя, — шикнула я на брата, а в следующем танце закружилась с ним. Свой первый танец всегда отдавала Эду, а по-

том уже можно было танцевать с кем угодно и сколько угодно. Тем более желающих хватало. Правда, папа их опередил.

— А со мной ты уже танцевать не хочешь? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, хочу. — И тут же протянула ему руки. И стало спокойно-спокойно, будто все гости остались далеко.

— Ты прекрасна, — сказал отец. — И повезет тому, кого ты выберешь в мужья.

— О нет! Ему не повезет, — с уверенностью ответила я папе. — Он просто ошалеет от счастья.

— Глупышка.

Может быть, может быть. Потом потянулась череда кавалеров, пустые разговоры, обычная вежливость. Уже было около одиннадцати часов вечера, когда в зал спешно вошел управляющий замка и позвал отца. Он протянул папе какой-то конверт. Отец пробежал глазами по строчкам — и нахмурился. Дурные вести?

Он вышел в центр зала, музыка стихла.

— Дэй и дейры, — обратился отец к собравшимся, — только что я получил известия из столицы. Враг у наших границ. На этот раз это не только люди, но и мертвые, потому что наш враг — некромант. Его величество Осмонд призывает нас на защиту родины.

Раздались сдавленные возгласы. Люди оглядывались, пытаясь осознать услышанное, а я пробралась к Эду и сжала его руку.

— Слышал? — спросила шепотом. — Некромант!

— Слышал, — угрюмо ответил брат.

Конечно, на этом праздник можно было считать законченным. Гости разъезжались по домам. Я никак не могла дождаться, когда последний экипаж скроется за воротами, но все рано или поздно случается. Случилось и это.

— Жду вас в кабинете, — сказал отец, шагая обратно в замок.

Я побежала в свою комнату, чтобы служанки помогли переодеться, и поспешила к отцу. С Эдом мы столкнулись у самых дверей. И снова Ник нас опередил. Вот проныра! Родители уже были здесь. Я слышала их тихие голоса.

— Это безумие какое-то, — говорила мама. — Зачем Илверту нападать на Изельгард? А от Ника никаких вестей?

— Сама знаешь, что никаких. И я понятия не имею, как это могло получиться. Постараюсь узнать.

— Боги, Эри, ладно живые люди, но мертвые? Кем надо быть, чтобы потревожить их покой?

— Видимо, мы слишком давно не видели Ила, Эмми. Что-то случилось. Надо узнать, что именно.

Эд постучал в двери, и мы вошли в кабинет отца. Папа хмурился. Он сидел за столом, и перед ним лежало злосчастное письмо.

— Присаживайтесь, — сказал он. Мама осталась стоять у окна. — Слушайте меня, дети. Эдгар, Осмонд призывает тебя на поле боя. Утром ты отправишься в столицу. Ник, пока остаешься здесь. Я же организую оборону замка — никто не знает, куда ударит враг — и поеду... выяснить некоторые обстоятельства.

— Я поеду с Эдом, — тут же заявила отцу.

— Нет, Тиана. Об этом не может быть и речи.

Его лицо тут же посуровело.

— Но почему? — Вскочив, оперлась руками на его стол. — Я боевой маг, я всю жизнь училась сражаться и могу драться наравне с мужчинами. Ты знаешь сам.

— Война — не женское дело, Тиа, — угрюмо отвечал папа. — Ты будешь нужнее здесь, рядом с матерью и братом. Хватит того, что воевать будет Эд и, скорее всего, я сам.

— Папа!

— Я сказал нет!

И отец хлопнул по столу раскрытой ладонью. Это означало высшую степень раздражения.

— Эд, мы с матерью поможем тебе собраться, — уже спокойнее сказал он. — Тиа, марш к себе. Ники, нам с тобой надо кое-что обсудить.

Ну и ладно! Я вылетела из комнаты так, будто за мной демоны гнались, забила в свою спальню, упала на кровать и глухо разрыдалась. Почему? Почему папа настолько мне не доверяет? Он ведь знает, что я могу сражаться, защищать свою страну. Да, больше никому не известно, что я маг, но папа-то знает! Почему я должна отсиживаться за стенами Аттеуса? Почему меня разлучают с Эдом?

Слезы лились и лились, будто кто-то открыл краны. Я слышала, как тихонько приоткрылась дверь и в спальню вошла мама.

— Тиана, девочка моя.

Она села на край кровати и погладила меня по голове как маленькую.

— Не плачь, ну же, — старалась успокоить мама, но выходило скверно. — Ты не знаешь, что такое война, Тиана. Мы с папой беспокоимся о тебе и хотим лишь одного — уберечь тебя. Папа прав, женщине нечего делать на поле боя.

— Но вы познакомились, когда шла война. Значит, ты там была! — зло выкрикнула я.

— Да, потому что я — целитель. А целители всегда там, где боль.

— А я — боевой маг и хочу сражаться. Хочу быть полезной.

— А кто защитит нас, если ты уедешь, девочка? Сама слышала, папа тоже уедет. Останемся только мы с Ники. Кто позаботится о нас?

Я вытерла глаза. Мама была права, а я об этом и не подумала.

— Куда едет папа? — спросила я.

— К дяде Нику, — ответила мама. — Похоже, у него неприязни. Он не отвечает на письма, и папа тревожится.

— Дядя Ник так давно не приезжал.

Когда я в последний раз видела лучшего друга отца? Года три назад. А может, и четыре. Он редко бывал у нас, потому что жил довольно далеко, а папа говорил, что еще и часто переезжал. Я не спрашивала почему. А теперь вот заинтересовалась, только мама не собиралась отвечать.

— Все будет хорошо, доченька.

Мама коснулась губами моего лба.

— Когда уезжает Эдгар? — спросила я.

— На рассвете.

— Тогда постараюсь немного отдохнуть. Обязательно разбудите меня, хорошо?

— Обязательно, милая, — пообещала мама и вышла, притворив дверь, а я чувствовала себя... опустошенной. И не знала, чего ждать от будущего, а это было во много раз страшнее.

ГЛАВА 2

Илверт

Как же в Литонии холодно. Эта мысль преследовала меня посреди лета. Когда я уезжал из Изельгарда, там было ясно и солнечно. И так жарко, что хотелось снять с себя кожу, лишь бы стало прохладнее. А в Литонии лето оказалось сырым, до-

ждливым, ненастным. Я кутался в плащ и мечтал о том, чтобы как можно скорее вернуться в Изельгард. Долгое время я не считал Изельгард домом. Скучал по Литонии. Мне опротивело все, что было связано с чужой страной: климат, люди, язык. О, этот изельгардский язык! Он не давался мне. Я хорошо его понимал еще до отъезда из Литонии, но долгое время говорил со страшным акцентом, все время переходил на родной литонский. Сейчас привык, и, наоборот, литонская речь казалась чужой.

Мой лагерь находился не так далеко от границ Изельгарда, но я двигался не туда, а на Самарин. По воле судьбы Самарин сейчас тоже был территорией Изельгарда. Небольшой кусочек, который не достался Верании в результате очередного конфликта. Но надо ведь с чего-то начинать. Почему не с него?

Стояла ночь. Я сидел у палатки и смотрел на низкое, затянутое тучами небо. Король без короны. Король без страны. Да, в словах дядюшки Осмонда имелась доля правды. Я никогда не хотел уезжать из Литонии, но матушка решила за меня. А мне было всего семь, и что-то возразить я не мог. Мы бежали от кого-то. От кого? От веранцев? Ник говорил — от Совета. Но неужели мать не смогла прижать к ногтю Совет? Я в это не верил. Если честно, я уже не знал, во что верить. Возможно, мой поступок был глупым, но иначе зачем жить?

Это все погода. Она навевала безрадостные мысли. Хорошая отговорка на самом деле. Отличная отговорка. Я устало взлохматил волосы. Остричь бы, но традиции Изельгарда настолько въелись под кожу, что стереть их оттуда казалось невозможным.

Где теперь мой дом? Где моя родина? Здесь, в этой холодной и неласковой стране, или в солнечном Изельгарде, на берегу залива, где солнце встает рано-рано и кажется, будто мир каждое утро рождается вновь? Я не знал. Иногда казалось, что и вовсе потерялся. Прислушивался к душе, но в груди было тихо-тихо.

Когда придут войска Осмонда? В том, что дядя даст отпор, я не сомневался. Он не пожелает уступить мне и шага этой земли. Тогда-то мы и встретимся. Он не захотел мне помочь, так пусть пожинает плоды. Видят стихии, я не хотел с ним воевать, хоть матушка и говорила, что более подлого человека не встречала в жизни. Правда, по ее глазам я читал: «Кроме твоего отца». Отца, которого я не знал и который всегда был рядом,

как бы ни гнал его. Хорош некромант — не может справиться с одним-единственным призраком.

Призрак кивнул, я помахал ему рукой. В моей армии было мало живых людей. Тех, кто готов поддержать короля Литонии, который пытался вернуть себе престол. Вернуть престол...

— Зачем он тебе сдался? — кричал Ник в одну из наших последних встреч. — Зачем, Ил? Ты сам навлекаешь несчастье на свою голову. Эта земля проклята.

Эта земля — моя. Именно это я и пытался донести до чело века, которого считал единственным другом, но он не услышал, не захотел.

— Ты с ума сошел! — Матушка, как всегда, была на стороне Ника. — Поедешь в Литонию? Вперед, но назад уже не вернешься, ты должен это понимать.

Я понимал, мама. Всегда и все понимал. Ты с легкостью отказалась от опостылевшей власти, чтобы быть с мужчиной, которого любила, а я должен сделать хоть что-то. Литония разорена. Земля, которая принадлежала мне по праву. Ее разворовали, разделили, растерзали, мама. Из-за тебя.

И это я тоже ей сказал. Кажется, в ночь перед отъездом внутри меня будто прорвало плотину, и я говорил, говорил, говорил. Меня выслушали. А что было ответом? Тишина.

— Ты глупый наивный мальчишка, — сказал тогда Ник. — Хочешь власти? Бери. Ее так легко получить, Ил, но так трудно удержать. И в итоге ты заплатишь всем: любовью, счастьем, жизнью. Ради чего? Ради очередного призрака?

А я говорил, что Ник не понимает. Он давно перестал меня понимать. А может, и не начинал? Хотя Ник был моим наставником. Он научил меня всему, что знаю и умею. Он доставал книги, чтобы я мог совладать с магией. Убеждал, что все получится, когда не получалось. А потом как-то все рухнуло.

— Ты слишком много думаешь, — угрюмо сказал призрак отца.

— Помолчи хоть ты, или лишу рта, — пообещал ему.

— Да, это ты можешь. А что еще? Грозить королю Осмонду своими игрушечными солдатиками? Мал еще тягаться, а все туда же.

Я махнул рукой, и рот исчез с лица призрака. Обещал ведь, а он не поверил. Призрак отца укоризненно покачал головой и растаял, а я убрал влажные волосы со лба.

Мы с родителями расстались глупо, некрасиво — а я все-таки считал Ника если не отцом, то родным человеком. Я наговорил гадостей и получил несколько очень неприятных фраз в ответ. Мать смотрела на меня, будто я был болен. На сестер она никогда так не смотрела. Вот с ними я не попрощался. Мелоди и Джанет. Я скучал. Безумно скучал по своим сестренкам. А думал, что не буду. Когда я был дома, они раздражали. Их было слишком... много. Ясных, солнечных, а мне оставался мрак. Призраки, тени вместо друзей.

— Ваше величество, к вам посланец от короля Осмонда. — В круг света вышел лер Беар Янтель — один из немногих моих живых последователей.

О, а вот и посланец. Беар проводил ко мне щедедушного мужичонку, который трясся от одного моего вида. Все понятно. Дядя Осмонд прислал того, кого не жалко. Гонец держал в руках свиток. Я взглянул на призраков, окружавших меня. Они не выказывали тревоги. Значит, в свитке нет ничего опасного.

— Добрый вечер, лер, — поздоровался я на изельгардском, но обратившись на литонский манер — лер.

— Здравствуйте, дэй Илверт, — ответил тот.

— Ваше величество! — рявкнул на него Янтель.

— Прошу прощения, ваше величество, — пролепетал гонец заплетающимся языком. — Я должен передать вам послание от моего короля Осмонда.

И протянул свиток. Я пробежал взглядом по скудным строчкам. Все просто. Осмонд предлагал обсудить условия. Обещал отдать мне кусочек Литонии, который принадлежал Изельгарду. Кусочек от кусочка, если уж точнее. Забавно, но теперь мне это не нужно. Я отвоюю всю Литонию и восстановлю Самарин как столицу нового государства.

— Передайте своему королю, лер, — тихо сказал гонцу, но он сжался так, будто я кричал, — что меня больше не интересуют переговоры. Но если он не хочет, чтобы мои войска нечаянно заглянули на территорию Изельгарда, пусть передаст мне ключи от Самарина.

— Я передам, ваше величество. — Гонец поклонился.

На взгляд Янтеля, недостаточно низко, и мой верный соратник толкнул его в спину. Гонец пошатнулся, едва не упал.

— А еще скажи своему королю, что мое войско велико, — добавил я и призвал силу, чтобы гонец на миг увидел, кого я собрал под свои знамена.

Он сдавленно вскрикнул, посерел, а я сделал своих солдат снова невидимыми. Они были мертвы. Кто-то присутствовал тут в телесном виде. Кто-то, как отец, оставался призраком. Но их было много. Моя сила росла, и сейчас я мог контролировать около двух сотен мертвых солдат-призраков одновременно. А поднятым мертвецам и вовсе не требовался постоянный контроль, только толчок в нужный момент. Моим воинам не нужна вода, не нужна еда. Они не знали усталости. Только шли вперед — туда, куда я приказывал.

— Ступай.

Я махнул рукой, и Янтель увел посланного. Послышался смех. Конечно, смеялись живые — те из литонцев, кто тоже желал возродить свою страну. С каждым днем их становилось все больше, и я надеялся, что вместе мы сможем противостоять мощи Изельгарда. Мощи войска моего дяди.

— Вы запугали несчастного гонца, ваше величество.

Янтель вернулся быстро. Он откровенно веселился и казался слишком живым среди моих мертвецов.

— Пусть боятся, — ответил я. — Страх — это то, что нужно. Он помогает управлять людьми.

— От страха люди воняют.

Я пожал плечами. Иногда юмор Янтеля был выше моего понимания. Или ниже.

— Что грустите, ваше величество? — не унимался Янтель. — Или изельгардцы навевают на вас тоску?

— Нет.

— Вы сегодня немногословны.

А когда-то был многословен? Я смотрел перед собой, на яркие языки костра, который хоть немного разгонял сумрак и холод, и чувствовал, как внутри звенит от опустошения. Не скажу, что это чувство было новым для меня — скорее уж привычным. Оно никогда не покидало. Может, даже родилось вместе со мной? Я не помнил. Детство вообще вспоминалось смутно, кроме ночи пожара и дня, когда узнал, что мать убила отца. Я сейчас даже не помнил, как мы приехали в Изельгард. В память об этих днях осталась только забавная заколка с лилией. Ее подарила какая-то девочка, с которой мы играли, и она стала чем-то вроде талисмана. Безделушка, которой я придавал слишком много значения.

— Стоит ли становиться королем, чтобы сидеть с унылым видом? — поинтересовался призрак отца. Время моего заклинания прошло, и он снова обрел способность говорить.

— А что прикажешь делать? — спросил я его.

— Развлекаться. Тебе двадцать два. Тут поблизости деревенька. Найди себе симпатичную подружку, отдохни.

— Я начинаю удивляться, что матушка не прибила тебя раньше.

— О, она хотела! — Призрак окончательно развеселился. — Прямо мечтала-таки. Мне иногда казалось ночью, что она вот-вот меня придушит. Долго решалась. Наверное, ждала, пока ты родишься. Хотя да, я же отправил ее с глаз долой, а как вернулась, так и убила. Редкого характера женщина. Жаль, что ты не в нее.

— Что, в тебя? — безразлично поинтересовался я.

— Судя по всему. Но я не такой слабак. И уж точно не сидел и не разводил круги на воде, а брал жизнь в свои руки. Я победил Изельгард.

— А потом Изельгард победил тебя.

Призрак нахмурился:

— Я был самонадеян. Думал, эти твари больше не поднимут голову. Думал, так их запугал, что даже воевать больше никто не пойдет. Совет на будущее: если враг оказывается у тебя в плену, убей не раздумывая.

— Личный опыт?

— Он самый.

— Я принял к сведению. А теперь будь так добр, уйди.

Отец в кои-то веки послушался, но на его место явились другие. Они стояли вокруг и смотрели на меня грустными глазами.

— Вон! — приказал я и остался один.

Время близилось к полуночи. Хотелось спать, но я и так знал, что не усну. Слишком холодно, и этот холод проникает в душу. А самое странное, что иногда я думал: Ник-то прав. Зачем мне нужен трон? Разве плохо было в Изельгарде? А потом сам себе отвечал: нужен. Я — король Литонии. Я им родился и умру. А Изельгард... Я начал его любить сейчас, но пока не знал, как быть. Начну с Самарина.

Поднялся и все-таки пошел в палатку. Лег, укутался в плащ, закрыл глаза. Еще немного. До Самарина — еще немного. Успеет ли Осмонд туда раньше меня или нет? Или буду сража-

ться с теми войсками, которые сейчас в городе? Мало его захватить. Надо там закрепиться. Доказать жителям, что я имею право возглавить страну. И удержать город, когда Осмонд все-таки туда придет.

ГЛАВА 3

Тиана

Эдгар уезжал на рассвете. Я смотрела, как он проверяет, не забыл ли чего, как оглядывается по сторонам, будто стараясь запечатлеть в памяти все до мельчайших подробностей, и на глаза наворачивались слезы. Мой брат... Мы всегда были рядом, не расставались ни на день, а теперь я остаюсь одна. Эдгар уходит на войну. Кто будет прикрывать ему спину? Почему папа не хочет и слышать, что я справлюсь с этим лучше других? Почему недооценивает меня?

— Пора, — сказал Эдгар. — Идем?

Я кивнула. Родители ждали Эдгара внизу, не мешали собираться. Отец, суровый и сосредоточенный, шагнул к нему и крепко обнял. Мама плакала и даже не пыталась это скрывать, а я старалась быть сильной. Но как же было больно!

— Мам, ну что ты? — растерянно спросил Эд. — Я же вернусь.

Матушка зарыдала громче и бросилась к нему на шею, а Эд гладил ее по спине, успокаивая. Отец обнял ее, заставил отпустить Эда.

— Я провожу тебя до заставы, — сказала брату.

— Хорошо, — кивнул он. — До встречи.

— Пусть хранят тебя стихии, сынок, — ответил отец. — Душаю, мы скоро встретимся.

Отец тоже собрался воевать? Я чего-то не знаю? А Эд уже шел к двери. Его уже ждала лошадь. Брат взял ее под уздцы, и мы медленно пошли к воротам.

— Прокатить тебя, сестричка? — с показной веселостью спросил он.

— Нет, давай просто пройдемся, — ответила я.

— Тиа, хоть ты не разводи сырость! — Брат хлопнул меня по плечу. — Выше нос! Береги замок и за Ники приглядывай, он из нас самый слабый.

— Да, конечно, — кивнула я. — Ты тоже береги себя, Эд. Победи этого жуткого некроманта поскорее и возвращайся домой, я буду ждать.

— Смотри не выскочи без меня замуж.

— Ни за что! — пообещала я, улыбаясь. — Люблю тебя, братишка.

— И я тебя, Тиа, — уже серьезно сказал брат.

Так мы и шли. Миновали ворота замка, затем — городок, разросшийся вокруг стен. Пора прощаться. Я стояла и смотрела на Эдгара, не зная, что сказать. В горле стоял комок слез, но глаза оставались сухими. Я боевой маг и должна быть сильной. Эд прав, моя задача — защита замка. Никто не скажет, когда и где окончится война.

— Счастливого пути, братишка. — Я кое-как совладала с голосом, а Эд горячо пожал мои руки, обнял, похлопал по спине и выпустил, отступив на шаг.

— Увидимся, сестренка.

Он махнул мне рукой, вскочил на лошадь, а мне оставалось только стоять и смотреть. Я и стояла, пока всадник не скрылся из виду, а затем развернулась и так же медленно пошла к замку. Сейчас никого не хотелось видеть. Я едва переставляла ноги. У меня будто украли часть сердца, и я пока не знала, как справиться с этой потерей.

— Тиана! — послышался женский голос. Меня зовут?

— Тиана!

Я обернулась. Голос незнаком, а звали по имени. Ко мне спешила темноволосая женщина. Она была небогато одета: достаточно простое, хоть и новое, платье, тонкая косынка на голове. Сколько ей лет? Наверное, как моей маме — около сорока пяти.

— Здравствуйте, дейра, — тихо сказала я, а женщина вдруг заплакала. — У вас что-то случилось? Чем я могу вам помочь?

— Пожалуйста, выслушай меня, девочка моя. Я — твоя мама.

Все понятно, несчастная безумна. Я вздохнула и как можно осторожнее сделала шаг назад.

— Считаешь меня сумасшедшей? — Женщина вытерла слезы с глаз. — Пожалуйста, выслушай. Это не займет много времени, но ты поймешь... Поймешь, что я не лгу. Я так долго тебя искала!

Женщина говорила с сильным акцентом, я едва разбирала слова. Может, если послушаю ее, она уйдет? Огляделась по сторонам, отыскивала взглядом скамейку в тени деревьев.

— Хорошо, давайте поговорим вон там, — сказала женщине.

Мы сели на скамейку, а мне хотелось бежать как можно дальше, потому что вдруг стало страшно. И в то же время жаль эту женщину. Она, скорее всего, больна и потеряла свою дочь.

— Как ваше имя, дейра? — спросила я.

— Дина, — ответила та. — Можешь звать меня Дина.

— Очень приятно.

Нет, совсем не приятно, скорее, жутко.

— Ты появилась на свет в Литонии двадцать два года назад, — тихо заговорила Дина, глядя на меня, как на статуэтку богини. — Пятнадцатого сентября.

— Вы ошибаетесь, — покачала головой. — Мой день рождения в декабре.

— Нет, девочка, нет. Давай я попробую рассказать сначала...

И женщина уставилась в землю, а я только чувствовала, как быстро-быстро бьется сердце. Но я ведь никогда не была в Литонии и родилась в декабре. Из Литонии моя мама.

— Шла Литонско-Изельгардская война, — продолжила моя собеседница, все еще не глядя мне в лицо. — И Литония победила. Я тогда искала место, потому что времена были тяжелые, моих родителей не стало, и меня взяли в компаньонки к лери Амелинде Эйш.

— Амелинде? — Я уставилась на нее.

— Да. Эту женщину ты сейчас называешь матерью. Лери Эйш должна была ехать одна достаточно далеко, и ее супруг Леонард беспокоился, как бы с ней ничего не случилось. Я стала ее компаньонкой, но мы не ладили, скажу честно. Лери Эйш, она слишком... правильная.

— Супруг?

Мама и папа вообще никогда о таком не упоминали.

— Да, Тиа, супруг, — вздохнула Дина. — Леонард был очень красивым мужчиной, и я... влюбилась. Мы приехали в замок Эйшвил. Это в Литонии, на берегу моря. Ты когда-нибудь видела море, девочка?

Я отрицательно покачала головой.

— Там было замечательно, — мечтательно сказала Дина. — Замок возвышался над морем, и ночами можно услышать, как оно бьется о стены. Амелинда... Она не любила своего мужа,

и он это чувствовал. А еще у них не было детей, и мы с ним стали близки.

— Но ведь у мамы есть Эдгар и Ники... И я.

— Да, но мальчики родились позднее и от другого мужчины. А я быстро забеременела от лера Эйша. Только ему нужен был наследник, сын. А я ждала дочь. Тогда его мать выгнала меня, и я пошла к Амелинде. Она дала мне денег. Я надеялась, что Леонард примет меня и ребенка, но он любил жену.

— И изменил?

— И изменил. Ты появилась на свет, а через полтора месяца Лео умер. Из-за человека, которого ты называешь отцом. Эрвинга Аттеуса, да будет он проклят.

— Не смейте так говорить о моем папе. — Я решительно поднялась со скамьи. — И хватит говорить чепуху. Я — Тиана Аттеус. У меня два брата, два. А то, что вы говорите...

— Я назвала тебя Тиана. — Женщина будто не слышала меня. — В честь богини любви и весны Тии. Это литонская богиня, ты знала?

— Нет, — ответила я.

— Но у меня не было денег, и я не могла прокормить себя и ребенка. Тогда я оставила тебя у ворот Эйшвила. А когда Аттеус женился на Амелинде и уехал, он забрал тебя с собой. Я так долго искала тебя, доченька!

И женщина кинулась ко мне, а я отступила.

— Я вам не дочь, — сказала ей. — Вы сумасшедшая. Не подходите, я буду кричать. Меня здесь все знают.

И бросилась бежать, а в спину летело:

— Тиана! Тиана, доченька!

Нет, не может быть. Этого просто не может быть! Я ворвалась в замок и пронеслась по комнатам, будто ураган. Кого искать? Маму? Нет, нет... Я искала отца. Он не станет мне лгать. Не стал бы... А если это правда? Если...

Папа нашелся в своем кабинете. Он стоял у окна и смотрел куда-то вдаль. Видимо, тоже по-своему переживал отъезд Эдгара. Но мне сейчас надо было поговорить не об этом!

— Тиана? — обернулся он на стук двери. — Что случилось, дочка? На тебе лица нет. Я думал, ты поняла...

— Подожди, — перебила его. — Подожди, папочка. Я должна спросить у тебя кое о чем. В городке ко мне подошла женщина и сказала, что она — моя мама.

Отец уставился на меня. Он не понимал.

— Ее зовут Дина, и она говорит, будто я родилась в Литонии, и...

— Дина?

Отец побледнел. А я поняла — он знает. Знает эту женщину и почему-то опасается. Не может быть!

— Давай присядем. — Отец указал мне на кресло.

Значит, есть о чем говорить. Я до последнего ожидала, что папа рассмеется, назовет меня дурочкой и скажет, что та женщина сумасшедшая. Но он этого не сделал, и сейчас мне было страшно. Так страшно!

Я села на краешек кресла, готовая вскочить в любую минуту, а папа сел напротив. Он не смотрел мне в глаза, думая о чем-то своем.

— Пап?

— Эта женщина сказала правду.

Словно кто-то опустил камень мне на грудь. Я сжала руки в кулаки и затаила дыхание, а отец продолжил:

— Тиа, я просто хочу, чтобы ты поняла: история этой женщины ничего не меняет. Я сказал, что ты моя дочь, как только впервые взял на руки. Так было и так будет впредь.

Я хотела ответить, но ком стоял в горле. Оставалось только слушать.

— Твоим настоящим отцом был первый супруг Амелинды, Леонард Эйш. — Лицо отца внезапно стало жестким и суровым. — Он хотел сына, а когда узнал, что его любовница ждет дочь, отказался и от Дины, и от ребенка. От тебя. Он был редкой дрянью, этот Эйш...

В голове били барабаны. Что происходит? Как это вообще может быть?

— Мы узнали о твоём рождении сразу после того, как родился Эдгар. Дина оставила тебя у ворот замка и сбежала, и я всем сказал, что Эмми родила двойню.

— Подожди, совсем запуталась! — все-таки я перебила отца. — Ты говоришь, мама была замужем за этим Эйшем. Как у вас мог появиться Эд?

— Это старая история, Тиа, и мне не очень хотелось бы ее вспоминать.

— Папа! — Я вскочила, забегала по комнате. — Какая-то женщина говорит, что она — моя мать, а ты не хочешь вспоминать?

— Хорошо. Сядь. — Отец смотрел мимо меня, а мне пришлось вернуться на место. — Я проиграл первую Литонско-Изельгардскую войну и попал в плен.

— Что?

— Да. Не просто в плен — в рабство к Эйшам. Тогда мы и встретились с твоей матерью. И в какой-то момент поняли, что любим друг друга. Дядя Ник... Он помог мне бежать. Эмми к тому моменту уже ждала ребенка, но я об этом не знал. Узнал, когда вернулся с войсками. Вернулся за Эмми.

— И ты победил.

— Да. — Отец склонил голову.

— Дина сказала, Леонард Эйш умер из-за тебя.

— Леонард Эйш умер, потому что был мразью. — Лицо отца стало жестким и чужим. — Ему хотелось сломать меня, а в итоге сломался он сам.

Я закрыла лицо руками. Мой мир рухнул, и как выбираться из-под обломков, я не знала. Отец тяжело поднялся и подошел ко мне. Попытался обнять за плечи, но я дернулась, и он убрал руки.

— Ты врал мне, — сказала, едва сдерживая слезы. — Столько лет врал мне!

— Да, Тиа. Прости, но я не хотел, чтобы ты знала.

— Думаешь, я бы не поняла?

— Не хотел причинять тебе боль.

— А теперь не причинил? Теперь, когда чужая женщина рассказала мне то, что должны были вы с мамой? — Я обернулась к нему. — Как мне с этим жить?

— Тиа, девочка моя, ничего не изменилось. Я все равно твой отец.

— Нет! Мой отец похоронен в каком-то замке, даже названия которого я не знаю. А мама бродит по городу как сумасшедшая.

Я все-таки вскочила из кресла и вылетела из кабинета прочь. Домчалась до своей комнаты, упала на кровать и разрыдалась. Если бы рядом оказался Эд, я бы поговорила с ним, рассказала ему обо всем, и стало бы легче. Но Эда не было. Боги, Эд даже не мой брат! И Ники. Я для них никто. Я...

В двери тихо постучали. Я не ответила, но мама все равно вошла в комнату.

— Тиана. — Она села на кровать рядом со мной, попыталась погладить по голове, но я отшатнулась, будто змею увидела.

— Не надо!

— Тиа, девочка моя. — На глазах мамы блестели слезы. — Прости нас, милая, но мы с папой хотели как лучше.

— Как лучше? Как лучше, мама? Кому, мне? Или вам? Я имела право знать, не находишь? Ладно, когда была маленькая. Но я давно выросла, мамочка! А вы молчали. И ты, и папа. Что, не хватило смелости?

— Да. — Мама склонила голову. — Я обещала Эрвингу, что никогда тебе не скажу. И считаю, что он был прав. Тебе не стоило знать.

— Мама, ты сама себя слышишь? Я не знаю, кто я! По-твоему, это правильно?

— Тиа, ты наша дочь.

— Нет, нет, нет! У меня никого не осталось. Ничего. Только потому, что вы решили за меня. Потому что мне лгали.

Я запустила пальцы в волосы и закачалась из стороны в сторону. Мама попыталась обнять меня, но я вырвалась.

— Уходи, пожалуйста! — попросила ее. — Умоляю!

Мама вздохнула и вышла из комнаты, а я снова упала на кровать. День клонился к вечеру. Я делала вид, что сплю, хоть и не спала. Вечером тихонько приоткрылась дверь, и поднос лягнул о столик. Дверь закрылась. Я даже не знала, кто приходил. Зато, кажется, поняла, что собираюсь делать дальше. Не хочу здесь оставаться. Не хочу и дальше жить во лжи. Я заметалась по комнате. Уехать! Как можно скорее уехать. Но девушке небезопасно путешествовать одной, поэтому я тихонько проскользнула в гардеробную и отыскала вещи брата Ники. Он был моего роста и примерно моего телосложения, в отличие от Эда. Я собрала его рубашки, штаны — огромную охапку и оттащила к себе в комнату, а затем заперла дверь. Надо было сделать это раньше.

Большой грудью меня природа не наградила. Одну из рубашек я порвала на бинты, разделась и обмотала грудь, делая ее почти плоской. Сверху накинула рубашку, натянула штаны. Да, только слепой не узнает во мне девушку! Хотя... Порылась в ящичках у кровати. Одно время мама пыталась привить мне любовь к вышивке, и я точно знала, что где-то там есть ножницы. Остановилась у зеркала, вынула шпильки из волос, и они рассыпались по плечам. Жаль... Чикнула ножницами, еще и еще раз. Волосы светлым ковром усыпали пол, а я поняла, что перестаралась. В Изельгарде мужчины не стриглись так корот-

ко, но и я не похожа на жительницу Изельгарда. Теперь знала почему. Волосы едва прикрывали шею, но отражение в зеркале изменилось. На меня смотрел смазливый парнишка. Голос у меня был не слишком-то высокий — скорее наоборот, и если еще постараться... Скажу, что мне меньше лет. Восемнадцать. Тогда, может, поверят.

Еще одна вылазка в коридор — и я притащила дорожный мешок, собрала туда вещи Ника, захватила пару украшений и немного денег, обещая себе, что верну родителям... или не родителям все, на миг замерла перед зеркалом. Натянула жилет и плащ, а вот с обувью возникла проблема. Да, у Ники была небольшая нога, но все же больше, чем у меня. Пришлось набивать его сапоги тряпками, и только тогда они сели на ноги. Готово!

Оставалось захватить оружие и тихонько пробраться на конюшню. К моему счастью, конюхи ушли ужинать. Я оседлала свою лошадь, запрыгнула в седло и поскакала из замка прочь.

Тяжелее всего было преодолеть подъемный мост. Там дежурила охрана, но я пустила лошадь в галоп и пронеслась мимо стражи. Кто-то что-то крикнул вслед. Я не слушала. Мало ли кто выезжал из замка? Может, слуга, которого отец послал с поручением? Поэтому за мной не гнались, а я ветром пронеслась по городским улочкам. Пока папа поймет, что меня нет, я буду уже далеко. Прощай, замок Аттеус. Прощай, мой дом.

ГЛАВА 4

— Успокойся. — Амелинда мягко сжала ладони супруга. — Вот увидишь, Тиана уgomонится. Ей просто нужно время, чтобы все осознать. Может, она права и нам следовало бы рассказать правду раньше.

Эрвинг молчал. Больше всего Амелинду пугало, когда любимый муж будто отгораживался от нее стеной и уходил в себя. В такие минуты ей казалось, что он не здесь, рядом с ней, а где-то там, на дорогах Литонии, снова и снова переживает весь свой сложный путь.

— Эри! — Эмми опустила голову ему на плечо. — Дай Тиане время.

— Время? — Эрвинг будто вернулся из своих раздумий. — Да, ты права, но... Есть ли оно у нас, это время? Утром я уеду,

попытаюсь найти Ника. Уверен, следом за вызовом для Эдгара последует вызов и для меня.

— И ты... пойдешь воевать? — тихо спросила Эмми.

— Да. Там мой сын, я должен быть с ним. Но я до сих пор не понимаю, как так вышло, что Илверт пошел войной на Изельгард. Думал, у Ника и Бранды все благополучно.

Эмми тихонько вздохнула.

— Если ты отправишься на войну, я пойду с тобой, — сказала она.

— Нет, Эмми.

— Да! За прошедшие годы я не перестала быть целительницей, Эри. А значит, я нужна там.

— А Тиа? А Ники? А люди в замке? Кто позаботится о них, Амелинда? Наш младший сын не обладает магией, и в случае чего ему нужна будет вся возможная поддержка. Остается надеяться на тебя и Тиану.

Амелинда понимала, что муж прав, но так страшно было отпускать его на войну! Так же страшно, как и быстро повзрослевшего старшего сына.

— Я поговорю с Тианой, — пообещала она Эрвингу. — Утром, когда она успокоится, и все будет хорошо.

Эри кивнул. Он снова с головой ушел в свои мысли, и Эмми понимала, что тоже до утра не уснет. Так они и сидели, будто приговоренные, пока первые лучи солнца не позолотили верхушки деревьев.

— Пойду взгляну, как там Тиа, — первой не выдержала Амелинда.

Она всегда боялась, что дочь узнает правду. Узнает — и не поймет, почему они с Эрвингом столько лет молчали. Иногда Эмми казалось, что надо все рассказать дочери, но она обещала Эри молчать и держала слово. И вот к чему все привело.

Она тихонько приоткрыла дверь спальни дочери и замерла на пороге. Комнату будто перевернули вверх дном. А пол... Весь пол усеивали светлые волосы. Эмми глухо вскрикнула и помчалась к мужу.

— Эрвинг! — Амелинда влетела в кабинет супруга. — Эри, Тиана... Она...

— Что? — обернулся тот.

— Ее нет в комнате, и... ты должен это увидеть.

Эрвинг побежал за Амелиндой, влетел в спальню и глухо выругался.

— Несносная девчонка, — пробормотал он, разглядывая остриженные локоны и лоскуты ткани.

— Куда она могла деться? Куда поехать?

— Идем на конюшню, — сурово ответил Эрвинг.

Увы, самые большие опасения Амелинды подтвердились: Снежки, любимой лошади Тианы, не оказалось. Уехала! Она все-таки уехала.

— Может, вернется? — без особой надежды взмолилась Эмми.

— Ты ведь понимаешь, что нет, — покачал головой Эри. — И не надо быть провидцем, чтобы понять, куда подалась наша девочка: в столицу, к Эдгару. На войну, куда она так рвалась.

Эмми закрыла лицо руками. Ей давно не было так страшно, как в эту жуткую минуту.

— Что нам делать? — Она цеплялась за мужа, будто он был единственным спасением в общей беде.

— Я поеду за ней и верну домой, — сурово отвечал он. — Не волнуйся, любовь моя, все будет хорошо. Тиана — умная и сильная девочка, она справится.

Эрвинг собирался быстро. Он и так хотел утром отправиться в дорогу. Оказалось только не к Нику, а в столицу Изельгарда, Истор.

— Береги себя, — шептала Эмми, целуя мужа на прощанье, а по щекам градом катились слезы.

— Я скоро вернусь, — обещал Эри. — С Тианой. Поэтому не беспокойся и присматривай за Ником. Или он за тобой. И передай, пусть извинит, что не попрощался лично. Надеюсь, я догоню Тиану раньше, чем она доберется до Истора.

Амелинде тоже хотелось в это верить. Много лет они с Эрвингом не расставались даже на день, а теперь он снова уезжал, и, казалось, разлука будет бесконечной. Без мужа и детей замок сразу стал огромным и пустым. Эмми ходила из комнаты в комнату, касалась мебели, вспоминала, как впервые приехала в замок Аттеус. С того дня прошло двадцать два года. Двадцать два — как один день.

— Доброе утро, мама. — Ники степенно спустился по ступенькам. В отличие от Тианы и Эда он редко позволял себе бегать по дому, все чаще сидел где-то с книгой и читал.

— Здравствуй, дорогой. — Амелинда коснулась губами лба сына.

— А где все? Где Тиа и папа?

Ники еще не знал и был счастлив в своем неведении.

— Уехали, — помертвевшими губами ответила Амелинда. — Тиана сбежала из дома, папа поехал ее возвращать.

— Сбежала? — Ник уставился на мать. — На войну? Честно говоря, я даже не сомневался, что она так и поступит. Они с Эдгаром — два сапога пара. Куда один, туда и другая. Мам, ты не расстраивайся. Тианка — боевой маг. Это не за нее надо бояться, а лучше опасаться ее самой.

Амелинда улыбнулась. Может, сын и прав. Может, действительно не стоит так волноваться. Но плохо даже не то, что Тиана сбежала на поле боя — а Эмми тоже думала именно так, а то, что дочь считает себя чужой в родном доме.

— И потом, может, папа уже догнал ее. — Ник казался спокойным. Он всегда был воплощенным островком спокойствия в их доме, посреди семьи с такими непростыми характерами. — Вот увидишь, они скоро вернуться. А если нет — не завидую я некроманту.

Эмми заставила себя заняться делами замка. Лето — это сбор урожая, это убежденность в том, что у жителей замка и городка, раскинувшегося под его стенами, будет сытая зима. Все надо проверить, обо всем позаботиться. И за рутинными делами тяжелые мысли ненадолго отступили. Поэтому, когда прибежала служанка и доложила, что пожаловали гости, Эмми едва поняла, чего от нее хотят. Гости? Откуда? Может, как и предсказывал Эрвинг, пришел еще один приказ от Осмонда, на этот раз для него лично?

— Кто приехал? — спросила она у служанки.

— Женщина с двумя девочками, — ответила та. — Сказала, вам известно, кто они.

С двумя девочками? Может ли быть...

— Где они? — спросила Амелинда, спеша навстречу.

— Мы проводили их в большую гостиную, дейра Аттеус.

В большую гостиную. Эмми ускорила шаг, распахнула двери — и поняла, что не ошиблась. В кресле сидела Бранда, бывшая королева Литонии и бывшая возлюбленная ее мужа, а ныне жена лучшего друга. Ее дочери, обе светловолосые, как и родители, и такие похожие, что с трудом можно отличить, сидели на софе, чинно сложив руки на коленях.

— Здравствуйте, дейра Аттеус. — Бранда оставалась верна себе. Гордая, спокойная. — Простите, что потревожили ваш покой, но обстоятельства...

Амелинда сделала еще два шага и обняла гостью. Бранда тихо рассмеялась.

— Здравствуй, Эмми, — уже без показной холодности сказала она. — Давно не виделись.

Да, очень давно. В последний раз — около пяти лет назад, когда Эмми напросилась в гости к Вейсу. Это было настоящее приключение, потому что Эрвинг постоянно подозревал, что за ним следят, и не хотел привести шпионов к порогу друга. Тем более сам Вейс тоже был очень ценной целью для Осмонда. Поэтому они несколько раз переодевались, меняли лошадей. О да, это было незабываемо! И после той поездки Ник лишь раз сумел вырваться к Аттеусам. Осмонд не сдавался, пытаясь разыскать если не считавшуюся погибшей сестру, то хотя бы племянника. А вот Илверта Эмми тогда почти не видела. Он сторонился гостей, все время где-то пропадал, и Амелинда не могла бы точно сказать, что он за человек.

— Что случилось? — спросила Амелинда встревоженно. — Вы только втроем?

— Да, — вздохнула Бранда, на миг прикрыв глаза. Но она не в трауре, значит, Ник жив и волноваться не о чем. Не о чем ведь? Понятно, что при дочерях она говорить не станет.

— Я прикажу приготовить для вас комнаты, — сказала Эмми. — Отдохните с пути.

— Благодарю. А где Эрвинг? Мне сказали — он не в замке?

— Да.

Это тоже то, что при детях Амелинда обсуждать не собиралась. Начались хлопоты: разместить Бранду и девочек, приказать подать обед. За обедом Ники с таким видом таращился на гостей, что Эмми стало бы смешно, будь ситуация хоть немного более располагающей к веселью. Видимо, Ник уже надеялся, что без брата и сестры в замке станет тише, а тут такое! Девочки, наоборот, шушукались и подмигивали друг дружке.

— Ники, прогуляйся с Джанет и Мелоди, — попросила Амелинда сына после обеда. — Покажи им замок.

— Хорошо, матушка, — покорно согласился тот, но такая перспектива его точно не порадовала.

Дети отправились разглядывать замок, а Эмми и Бранда переместились из столовой в гостиную.

— Малышки так быстро выросли, — заметила Амелинда. — Через пару месяцев им исполнится пятнадцать?

— Да, — кивнула Бранда. — Уже совсем скоро. А Ники...

— Недавно исполнилось девятнадцать.

— Время летит.

Эмми кивнула. Бранда сидела в кресле у окна и задумчиво смотрела на сад. Самое забавное, отказавшись от трона, она не перестала быть королевой. Это читалось в гордой осанке, особенном наклоне головы, чуть жесткой улыбке.

— Так куда умчался Эрвинг? — Бранда первой вернулась к несостоявшемуся разговору.

— Тиана сбежала на войну, — вздохнула Эмми. — Поехал возвращать.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь не в свое дело, но Тиа... Она ведь дочь Эйша?

Эмми кивнула. Что скрывать?

— Да, моего первого супруга и его... любовницы, — добавила она, чтобы избежать путаницы.

— Даже так? — Тонкие брови Бранды приподнялись. — Не думала, что все настолько запутанно. И откуда же у вашей дочери такая страсть к войне?

— Она — боевой маг, как Леонард, и считает, что ее место на поле боя. Тем более Эдгар уехал, и она помчалась за ним. А где Ник?

Бранда устало убрала со лба локон, выбившийся из прически.

— Я не знаю, — ответила она тихо. — У нас та же история. Ник поехал за Илвертом и пропал. Илверт-то известно где, а вот Ники — нет. Думаю, он у Осмонда. Иначе мой сын никогда бы не развязал эту глупую войну.

— Он хочет вернуть трон отца? — мягко спросила Эмми.

— Да. — Только сейчас стало заметно, насколько же Бранда устала. Эмми готова была поспорить, что она не спала несколько ночей. — Ил... Он давно хотел отвоевать Литонию у Верании и собирался попросить помощи у Осмонда. Мы с Ником отговаривали его. В итоге разругались в пух и прах, и он уехал. Ил давно никого не слушает, живет в своем мире, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Его магию?

— И магию тоже. Просто он предпочел общество мертвых обществу живых. И мы можем только догадываться, что они ему нашептывают. Я думала, Осмонд откажет ему и Ил вернется, а он...

Бранда снова потеряла виски.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала Амелинда.

— Отдохну. Успеется. Мы с Ником договаривались, что, если от него не будет вестей больше месяца, я с девочками должна ехать к Эрвингу. Я ждала куда дольше, но оставаться втроем и без защиты дальше опасно. Что могу я одна? Ничего. Поэтому мы здесь. Но если ты против...

— Что ты! — Амелинда сжала прохладную ладонь Бранды. — Мой дом — ваш дом. И близкие Ника — наша семья. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы мои дети воевали против вашего сына.

— И мне тоже, Эмми. И мне тоже.

Бранда улыбнулась. Мимо окна промчались ее дочери. Они уже где-то потеряли сына Амелинды. Сбежали от него? Ничего, зато Ники не будет скучно. Сразу стало заметно, что близняшки — те еще занозы.

— И еще... — Бранда склонила голову. — Если Ник в руках Осмонда, ему никто не поможет. Могу ли я попросить тебя присмотреть за моими девочками?

— Ты собираешься в Истор? — ужаснулась Эмми. — Нет, не стоит! Эрвинг поехал туда. Давай напишем ему письмо, и он обязательно найдет Ника.

Бранда засомневалась. Это было заметно.

— Хотя бы подождем, пока Эри доберется до Истора, — настаивала Амелинда. — Ты ведь понимаешь, что Осмонд тебя ждет. И ты ничем не поможешь Нику, только станешь козырем для короля. Оставайтесь пока здесь. Пусть ненадолго, а потом подумаем, что делать. Вместе, потому что сейчас надо действовать слаженно. Другого пути нет.

— Думаю, ты права, — вздохнула Бранда. — Прошу, напиши Эрвингу. И если будут какие-то новости о Нике, пусть немедленно сообщит мне. Если бы я точно знала, что Ник у Осмонда! Я заставила бы брата отступить. Но, увы...

Заставила бы? Амелинда сомневалась. Король Осмонд хитер. Он ни перед чем не остановится, лишь бы наказать непокорную сестру и ее супруга, бывшего когда-то главой разведки Изельгарда. А еще Эмми не хотела верить, что Ник попался. Лучше Бранде пока держаться подальше от Истора, иначе Ника будет очень легко выманить.

— Как думаешь, что собирается делать твой сын? — спросила Эмми.

— Сначала взять Самарин. — Бранда пожала плечами. — А вот что он будет делать потом? Я не знаю. И боюсь. Так боюсь за него!

— Все будет хорошо.

Самая великая ложь на свете, но больше Эмми нечего было сказать. Надо верить.

ГЛАВА 5

Эдгар

Путь до столицы долгий, но хорошо знакомый. Когда я был младше, раз в году моя семья отправлялась в Истор, чтобы участвовать в празднествах, посвященных победе над Литонией. Мой отец командовал войсками Изельгарда в той войне, поэтому его присутствие на официальных торжествах было обязательным. Потом король Осмонд потерял часть Литонских земель, победа померкла, но мне всегда казалось, что папу это только порадовало. Он не любил бывать в столице. За неделю до отъезда становился резок и угрюм, и я никогда не понимал почему. Может, побывав в пылу сражения, пойму.

Я давно этого хотел. Понимал, что мирные дни в Изельгарде не продлятся долго: слишком уж много внешних врагов скалило зубы, чтобы отхватить кусок нашей земли, и предвкушал, как вступлю в бой. Мой отец был героем, как бы сам он об этом ни думал. Нельзя посрамить его имя!

Я ехал в Истор в сопровождении двух слуг. Расставаться с родителями было жаль, но что поделаешь? Мне уже двадцать два. Пора самому строить жизнь и добиваться славы, чтобы меня знали как Эдгара Аттеуса, а не только как сына Эрвинга. А вот Тианы не хватало. Я понимал — женщине на войне делать нечего, но магия сестрицы была сильна, а по быстроте реакции и тактике боя она могла составить конкуренцию многим мужчинам.

Тиана там, наверное, рвет и мечет. Ее отсутствие ощущалось очень остро, потому что с рождения мы с ней не расставались ни на день. Конечно, никто не верил, что мы двойняшки, но между нами была та особая связь, о которой так много спорят.

Дорога проходила быстро и мирно: в самом Изельгарде все было спокойно. Большой неожиданностью стало для меня то, что против нас выступает Илверт, наследник Литонии. В отличие от Тианы я хорошо помнил Ила. Он бывал у нас в замке совсем мальчишкой. Щуплый, темноволосый, большеносый и большеглазый — а теперь поглядите-ка, некромант! Смешно, право слово. В Изельгарде говорят: расскажи ветру, рассмеши воду. Вот если бы я сказал ветру, что Илверт не станет вести армию против Изельгарда, вода бы посмеялась.

С одной стороны, я, конечно, его понимал. Если бы Изельгард лежал в руинах, а я был его наследником, тоже, не раздумывая, отправился бы на поле боя. С другой стороны, зачем Ил схлестнулся с Изельгардом, если большая часть его земель была под властью Верании? Это глупо и тактически неверно. Сейчас он атакует нас и может в любой момент получить удар в спину от веранцев. Но мы по разные стороны, увы. Интересно, что об этом думает дядя Ник? Вряд ли доволен и счастлив.

Что случится, если мы с Илом встретимся на поле боя? Легко ли мне будет скрестить меч и магию с приемным сыном человека, которого отец называет братом? Точно нет, но и выбора у меня не было. И если Илверт угрожает Изельгарду, мне остается только дать бой.

Вот о чем я думал, когда на горизонте показались серые массивные башни Истора. Столица Изельгарда больше казалась крепостью, чем обычным городом. Было в ней свое величие, но она будто довлела над всем вокруг. Над каждым из нас. Я, как и отец, не любил этот город. Простор замка Аттеус был куда милее сердцу. Только война не спрашивает и не выбирает, кто готов вступить под ее знамена.

Время близилось к вечеру, и я решил, что сегодня отдохну в нашем родовом особняке, а завтра уже лично доложу о прибытии королю Осмонду, как и было предписано. Мне, как и отцу, показалось странным, что Осмонд вызывает меня и не зовет его — прославленного полководца. Отец ведь еще не стар, ему лишь слегка за пятьдесят. Разве это возраст? Еще можно держаться в седле, и не дрогнет рука, сжимая меч. Мы говорили с отцом накануне моего отъезда, и он считал, что Осмонд просто боится. Слишком большое влияние приобрел отец после Изельгардско-Литонской войны, к нему прислушивались люди. А папа мог повести людей как против Илверта, так и против самого Осмонда. Об этом мы тоже говорили.

— Не доверяй королю, — говорил мне отец в ту ночь. — И присягай Изельгарду, но не Осмонду, а если придется, держи слово, сынок.

Слово чести. Вот и все, что есть у каждого из нас. А в доме уже все было готово к моему приезду: одного из слуг я отправил чуть вперед, и он предупредил, что скоро буду на месте. Я прошел по хорошо знакомым комнатам, отметил для себя, что надо бы обновить мебель и многое выглядит слишком устаревшим, на миг задержался перед портретом, который любил рассматривать в детстве. В замке Аттеус был наш семейный портрет: родители, я, Тиана, маленький Ники. А здесь висел парадный. На нем отец в черной форме полковника с золотыми пуговицами, а мама в бледно-бирюзовом платье. Казалось бы, парадный портрет должен быть строгим, но и папа, и мама выглядели такими счастливыми, что я любил его не меньше того, из замка.

— Ванна готова, дэй Аттеус, — сказал заглянувший в комнату слуга.

— Благодарю, Ивон. Иду.

Да, вымыться с дороги, поужинать, нормально выспаться — что может быть лучше? Я с удовольствием принял ванну, смывая дорожную пыль, поужинал и уже собирался ложиться, когда в двери постучали.

— Дэй Аттеус, простите за беспокойство, — поклонился Бен — слуга, который служил здесь, в столичном доме. — Я хотел доложить, что около месяца назад здесь останавливался дэй Вейс и он оставил письмо, которое просил передать лично в руки вашему отцу либо вам, чтобы вы ему отправили.

— Благодарю. — Я принял желтоватый конверт, и Бен вышел, а я распечатал письмо.

«Эрвинг, брат, — было выведено довольно небрежно. Видимо, дядя Ник торопился. — Я остановился на ночь в твоём доме. Думаю, ты вряд ли на это обидишься. Дела складываются скверно. Я надеялся в столице перехватить Илверта, но не успел. Мы разминулись буквально на пару дней. Знаю только, что он разговаривал с Осмондом и просил поддержки в войне с Веранией, а Осмонд ему отказал. Думаю, война все равно будет, Эри. Ил настроен решительно, и никакие уговоры — мои и Бранды — на него не действуют. Только война не с Веранией, а с Изельгардом. Его сила велика, но у Ила нет опыта Осмонда, и я боюсь, он обречен. Пытаюсь догнать его и остановить, но

будто сама судьба против. Помнишь, я рассказывал тебе о проклятии, о котором твердил Аик Эйш? Может, он был не так уж не прав. Потому что я будто хватаю пальцами воздух. Если вдруг со мной что-то случится, прошу, позаботься о Бранде и девочках. Они пока в нашем особняке у залива, но должны приехать к тебе, если я исчезну. Я хотел бы отправить это письмо, но магических вестников у меня не осталось, а чужим доверять боюсь. Пусть оно ждет тебя в столице. Увы, думаю, скоро ты сюда приедешь, и не по приятному поводу. И еще попрошу: если ты на поле боя встретишься с Илвертом, пощади его. Ради меня. *Твой брат Ник.*

Р. С. Эдгар, если вместо отца приехал ты, прошу, отправь это письмо отцу магически. И прошу о том же: Ил не зло и не угроза. Он сражается за то, что ему дорого, как и каждый из нас».

Дядя Ник все предусмотрел. И то, что скоро наша семья посетит столичный особняк. И то, что вместо отца приеду я. И неминуемую войну с Илвертом и его жутким войском. Но где же сам дядя Ник? Я расспросил слуг и узнал: он ночевал здесь всего одну ночь, а затем так же быстро уехал, оставив доверенному слуге конверт.

Письмо я, конечно, переслал папе. С собой у меня был десяток конвертов для магических посланий. Стоили они дорого, но матушка очень беспокоилась из-за моего отъезда, и я готов был взять с собой что угодно, лишь бы ей стало спокойнее. Вот первый и пригодился. Странно, что у дяди Ника ни одного не нашлось под рукой. Может, все растратил, пытаюсь связаться с Илвертом? Так просто запасы не пополнить, ведь магии в Изельгарде почти нет. И проявившаяся у меня магия огня казалась чудом, так как мама обладала магией исцеления, а отец и вовсе не имел к ней способностей.

Час был поздний, и я лег спать, чтобы утром отправиться к королю Осмонду. Спал как убитый — дальняя дорога утомила меня, зато на рассвете проснулся бодрым и свежим. Умылся, сделал комплекс упражнений, оделся, как подобает наследнику Эрвинга Аттеуса, и направился во дворец.

Королевский пропуск открыл для меня двери, а я таращился на обитель монарха. Красиво! Дворец был сложен из серого камня. Он тянулся шпилями в небо, а вокруг били струи фонтанов и цвели розы. Но я приехал не для того, чтобы любоваться красотами Истора. Меня вели по длинному коридору.

Я шел, расправив плечи и стараясь не глазеть по сторонам. Конечно, наш замок намного скромнее, зато там все дышало жизнью и казалось настоящим, а здесь... Красиво, но бездушно.

— Ожидайте здесь, вас позовут, дэй Аттеус, — сказал мой провожатый и оставил меня в большой комнате перед запертыми дверями. Я подошел к окну. Отсюда открывался вид на дворцовую площадь. Было забавно наблюдать, как люди спешат, будто муравьи, копошатся, занимаются своими, без сомнения, важными делами. Здесь еще не чувствовалось дыхания войны. Илверт был где-то далеко. Да и надо быть безумцем, чтобы пойти на Истор.

Двери распахнулись, и ко мне вышел слуга. Он оказался одет настолько богато, что я бы принял его за аристократа, но тот низко поклонился мне и сказал:

— Его величество ожидает вас, дэй Аттеус.

Я прошел в двери и очутился в королевском кабинете. Сам Осмонд сидел за столом, подперев кулаком косматую голову. Король напоминал большого старого медведя, хотя был не намного старше моего отца. Он посмотрел на меня сурово — и вдруг улыбнулся, а я поклонился его величеству Осмонду.

— Рад приветствовать в Исторе сына великого полководца Эрвинга Аттеуса. — Голос короля тоже напоминал рычание. — Добрым ли был ваш путь, дэй Аттеус?

— Благодарю, ваше величество, — снова поклонился я. — Мой путь был добрым, но его причина, увы, темна.

— Да, — кивнул Осмонд задумчиво, — вы правы, юный дэй. Не стану скрывать, никто не ждал такой угрозы благополучию нашего государства, как этот некромант с его мертвым войском.

— Неужели с ним только мертвые? — ужаснулся я.

— Нет, есть и живые, но они в меньшинстве. Войска Илверта движутся к Самарину. Поначалу я хотел обратиться к вашему отцу, юноша, но умею уважать решения своих подданных. Дэй Аттеус славно послужил Изельгарду до того, как подал в отставку, и пока я не вижу причин его беспокоить, но рад, что вы готовы продолжить дело отца.

— Да, я готов, ваше величество, — ответил сдержанно.

— Ничего другого и не ожидал от сына Эрвинга Аттеуса. Я готов рискнуть и отдать под ваше командование полк.

— Это большая честь для меня, ваше величество. — Я склонил голову. — Клянусь, оправдаю ваше доверие.

— Не сомневаюсь в этом, дэй Аттеус. Сегодня в полдень я представлю вас командиру, который поведет армию Изельгарда, вечером принесете присягу и уже утром выдвинетесь на защиту Самарина. Помните, дэй Аттеус, Илверт не должен взять бывшую столицу Литонии.

— Я понял вас, ваше величество.

— Что ж, ступайте, юноша. Вас уже ждут и проводят.

В приемной меня действительно ждал мужчина в черной форме Изельгарда — такой же, как была сейчас на мне.

— Дэй Эдгар Аттеус? — уточнил он.

— Да. С кем имею честь говорить?

— Рудгар Теинс, лейтенант войск Изельгарда. Следуйте за мной.

Мы вышли из дворца, миновали большую площадь и подошли к продолговатому зданию. Думаю, казармам. Лейтенант Теинс провел меня через ряд коридоров, прежде чем мы оказались перед массивной деревянной дверью. Он постучал и вошел первым, затем пригласил меня следом.

— А, сын самого Аттеуса пожаловал! — услышал я раньше, чем переступил порог. За столом сидел настоящий великан — широкоплечий, рыжеволосый и рыжебородый. Он поднялся и так похлопал меня по плечу, что я едва не присел, хоть и сам отличался крепким телосложением.

— Ну, не стесняйся, парень, — рассмеялся он. — Будем знакомы. Полковник Альрик Рансер. Мы с твоим отцом бились вместе с последней Изельгардской. Жаль, что он так быстро ушел в отставку, Эрвинг — славный и бесстрашный воин. Надеюсь, и ты станешь таким же. Правда, не понимаю, почему его величество тут же поставил тебя командиром полка, но кто я такой, чтобы ослушаться его приказа? В этот раз войска поведу я.

— Для меня честь — знакомство с вами, дэй Рансер, — ответил я.

— У, какой ты грозный! Я отдам тебе Вилисский полк. Это brave ребята, все очень молоды, но есть и несколько опытных вояк вроде меня, прислушивайся к ним. И не забывай, что приказы на поле боя отдаю я. А то знаю я вас, Аттеусов. Помню, ходили легенды, как твой отец в первом же бою вопреки приказу повел свой отряд вперед и захватил большую шишку вражеского государства. Потом, правда, получил за это одновременно наказание и награду. Этот его подвиг повторять не надо. В остальном, думаю, ты справишься.

— Благодарю, дэй Рансер, — ответил я, уже чувствуя себя в казармах своим.

— Тогда идем знакомиться с твоими ребятами. За мной.

Солдаты из Вилисского полка действительно оказались в большинстве своем очень молоды. Видимо, он состоял из тех, кого Осмонд впервые призвал под знамена Изельгарда, и лишь человек восемь казались постарше, но их тоже сложно было назвать опытными вояками. Что ж, будем наживать опыт в бою.

— Знакомьтесь, — зычно сказал Рансер, — ваш командир, сержант Эдгар Аттеус.

Ранг сержанта был положен мне по праву рождения и титула, но я надеялся, что быстро повышу звание.

— Аттеус? — послышались шепотки. — Тот самый?

— Молчать! — рявкнул полковник. — Да, Эдгар — сын Эрвинга Аттеуса, но это не значит, что он чем-то отличается от вас, а вы от него. Слушайте своего командира беспрекословно, служите верой и правдой своему отечеству, и мы победим некроманта!

— Ура! — раздалось дружно, и я немного оглох, а затем быстро перезнакомился с кем успел.

Времени было мало, потому что все полки собирали на дворцовой площади. А ведь я долго ехал до столицы. Кто же сейчас защищает Самарин? Наверное, часть войск уже на позициях, а здесь только новички, как и я.

Мы выстроились под самыми окнами королевского дворца — все в новеньких черных мундирах солдат Изельгарда. И вот на балконе появился король. Он окинул нас внимательным взглядом и, кажется, остался доволен увиденным.

— Воины Изельгарда, — заговорил он, — ваши братья и отцы уже столкнулись с напастью, пришедшей в наши земли, откуда не ждали. Мой племянник Илверт атакует наши земли, поправ все законы родства и чести. Атакует с помощью мертвецов, потревожив их покой, осквернив их останки. Сегодня и вы под командованием полковника Рансера отправитесь на защиту Изельгарда. Будьте достойны своей родины и своего короля.

— Ура! — раздались дружные выкрики, а затем мы хором читали слова присяги.

Как и желал отец, я присягнул на верность Изельгарду, а не Осмонду. Но разве это главное? Главное — защитить родную землю и при этом остаться человеком.